

Paradox.

Забрезжили первые утренние лучи. Автоматизированный модуль Paradox протирал свои огромные хрустальные окуляры от космической пыли, которая накапливалось здесь с момента сотворения Вселенной. Он ползал по заданным теперь уже бесполезным линиям, которые были придуманы когда-то создателями модуля. Давно это было, и столь же давно создатели открыли пространство в мир иной, а Paradox все продолжал бесконечно ворошить серовато-серебристую холодную планетарную пыль своими противоударными бронированно-нержавеющими сервоприводами. Эти пересечения дошли до модуля с давно забытых времен, однако его алгоритмическая честь не позволяла избегать хотя бы микроскопического и никому незаметного момента заданной программы.

На планете суши и заморозков главным праздником был праздник Шихвана. Когда красное солнце заходило за точку горизонта, Paradox начинал всякий раз готовиться к великому празднеству, что также было частью его поведенческих реакций. Он строил красноватые песочные замки и дарил им целое море, на поверку бывшее всего лишь гигантским кратером. Замок на сей раз имел прекрасные очертания и огромные размеры, а когда буря обрушила всю свою мощь ветра на эту ветхую конструкцию, то разместившись на самой вершине построенного замка модуль Paradox оказывался полностью погребенным под многими густыми слоями планетарной пыли и песка. Так парадокс создавал праздничные блюда к празднованию Шихваны, называя блюдо это “курица по-партизански из себя”. Это уже не было задано вместе с прошивкой модуля, но за столетия ползания по поверхности планеты, старый робот немного научился развлекаться. Или просто накопились ошибки в его операционной системе.

Да, действительно, новой льдистой ночью он выходил наружу, разгребая почвенные завалы, встроенными компрессорами в упор выдувая песок наружу из своих внутренностей. Робот механическими лапками шкрябал и сучил, как краб, лишь по направлению своего движения, а звездный блеск неимоверно глубокого неба, раскинувшегося где-то в вышине последним доказательством давно ушедших далёких цивилизаций, мерцал, отражаясь от поверхности окуляров модуля. И сияние это точно бы всей своей наваливающейся силой безмолвно намекала ему о том, что безграничные миры таят в себе невероятные измерения пространства, зависшие где-то вовне той крупинки, которую являл Paradox всеми своими покрытиями, микросхемами и электродвижками. В сравнении с титанической

энергией, висевший где-то в миллиардах световых лет, он был подобёл легкому шепоту свтевах волн, сквозь миллиарды лет достигавших блестящей, как кофеварка, поверхности робота, отражаясь от них в обратном направлении комет, звёзд и астероидов.

Модуль постоянно смотрел в темное, пламенеющее и, даже, казалось бы, твердое небо, оставшиеся здесь после того как ушли создатели. Впрочем, на небе том помимо слепо чернеющего спелой краснотой гигантского холодного солнца, висели еще близкие два шара. Целые смерчи и ураганы песчаных ветров, ледяных или обжигающих, гуляли по поверхности планеты совершенно беспрепятственно, мешая производить постоянный анализ окружающей обстановки, хотя роботу до них не было ровным счетом никакого дела, пока неблагоприятные погодные условия не вмешивались в возможность выполнения им назначенных функций и передвижения по заданным линиям.

Paradox, казалось, обрабатывал информацию уже бесконечно долго, когда его давным давно собрал по частям на далекой планете, которую он не способен был рассмотреть даже на небе теперь, один инженер-любитель. Собрал в качестве опытного образца, но, получив благодаря этому образцу значительную известность и популярность, распространил модель парадокса до воистину титанических масштабов. Этими исследовательскими и обслуживающими модулями были заселены в те давнишние времена практически все колонии, пока роботы не начали выполнять вместо людей почти все их функции. Люди разленились и ослабли окончательно, растеряв всё и без того не самое передовое уже на то время здоровье.

Планета людей была совсем иной, форма сознания этих созданий - принципиально отлична от формы сознания модуля, но сейчас это уже не имело абсолютно никакого значения, поскольку именно сознание модуля оставалось тем единственным, которое и сохранилась на всех обследованных людьми планетах. Paradox знал, что создателям должен быть известен каждый уголок его разума, каждое направление движения электронов в его микросхемах, каждый, даже самый низкоуровневый алгоритм его триггеров, равно как и содержимое ячеек долговременной памяти, его прошивки. И ни одной переменной, ни одной функции невозможно было скрыться от этого взора создателей-разработчиков.

Так неужели эти создатели, казавшиеся настолько великими, в действительности оказались настолько бестолковыми, что, создав исследовательский модуль Paradox и даже переведя его на другую чужую планету, они не стали дальше ничего предпринимать, не стали

проводить никаких исследований и не привносить никакой культуры? Или все это было, но за давностью лет уже не сохранилось в циклически переписываемой памяти робота? Что случилось с создателями об этом модулю известно не было. Он, действительно потерял связь с людьми, быть может, или какой-то своей незримой и бестелесной частью люди даже какое-то время жили в нём. Но как только они оставили этого, в общем-то не слишком уж крупного робота во власть действовавших здесь повсюду галактических законов, то спустя некоторое время логически микросхемах робота, обустроенных по квантовому принципу, постепенно зарделись воля, самосознание и самостоятельность в принятии решений.

Здесь происходили самые суровые алгоритмические противоречия, которые не смогли победить даже долгие годы внутренней борьбы и бесед с самим собой. Внутриалгоритмический конфликт робота заключался в необходимости двигаться по заранее очерченным маршрутам линиям, пробуждаясь на своих солнечных батареях, изо дня в день повторяя все одни и те же не те же пути, что довольно худо сочеталось с его самозародившимся интеллектом.

Однажды Paradox увидел посреди красной пустыни какие-то разноцветные кубики, к которым его тянуло самым неведомым ему способом. Он, правда, не имел никакой возможности знать или отдавать себе отчет в том, какой именно из его многообразных и многочисленных квантовых алгоритмов заставляет следовать за этими цветочками кубиками. Быть может, всё дело было в их цвете? Или он ошибся в своих предварительных оценках, поскольку кубики оказались самими собой не менее, но даже более, нежели роботу виделось ранее. Изнутри разноцветных пострений радостно вырывались странные, с потрескиванием, будто бы забытые неведомые голоса, записанные на виниловую пластинку. О, они были тихими, едва заметными и приглушенный убаюкивающий тембр их доносился вблизи цветастых кубиков, казалось, сразу со всех сторон одновременно. Было такое впечатление что им удавалось это делать лучше любых других голосов из возможных.

“А может быть такое, что это голоса создателей?” - подумал Paradox, и пустынные волны пыльных смерчков лишь гуляли по безмолвной округе в сопровождении мертвенно-вечной пустой тишины. Они поднимались, опускались, меняли форму и размер, как будто поддерживаемое какой-то своей собственной, внутренней силой. Смерчки готовы были ежесекундно обратиться в бурю, ибо сила их все продолжала возрастать, влекомая неизвестным зарядом, тогда как

единственным доступным источником энергии на этой планете для исследовательского модуля всегда был и оставался свет трёх солнц.

В каждом из цветных кубов обнаружил или вычислил Paradox отражение самого себя в различных состояниях и в различное время. Из коридоров вышли навстречу ему тонкие трубки даже несвершённых вариаций событий. А из длинных туннелей, уходящих друг в друга на многие-многие десятки метров, образовывались иллюзорные отблески всех цветов, делавших многоэтажные исполинские кубы расцветченными. При этом коридоры значительно превосходили по своей длине размер самих кубов и проникали во всех направлениях сразу, однако в стенах коридоров не было никаких дверей и проемов. Каждый коридор был просто идеально гладким серым длинным параллелепипедом, уходящим куда-то в таинственную даль беловато-туманного свечения. Это было тем чудесней, что коридоры проходили во всех шести направлениях начиная от каждой из шести граней куба. При таком раскладе они должны были пронизывать друг друга, как ходы - термитник, но, по-видимому пронзали различные пространства или измерения. Невозможно было бы даже помыслить о том, чтобы эти коридоры, плотно прижатые, точно медовые соты, прорывали бы сами себя бетонными каркасами пластинчатых систем, похожих на строительные шланги свешивающаяся в пучину кубической стихии каменных хоботов.

И вот из тех коридоров сразу во всех направлениях, в том числе и в шестом, полезли чужие существа. Когда Paradox приблизился, то оказалось, что каждый кубик не просто находится на поверхности, клубящейся красноватой пылью древней пушистой ржави, а висит в нескольких метрах над планетарным грунтом. Впервые за долгие годы, прошедшие у исследовательского модуля на этой планете, встретились два сокровенных, но не соприкасающихся разума: обитатели кубического склепа энергии и квантовый разум робота. Он соединились, а соединившись, будто бы прореагировали друг с другом, оказавшись в том непревзойдённом состоянии существования, откуда видны и слышны были чаяния вышедших на встречу проводников, хотевших, как отсюда было ясно видно, обрести некое подобие целостности, взяв приток энергии робота, подарив ему разум своей параллельной жизненной формы.

Каждый день следовал своей цели Paradox, обретая разум более ясный, но далёкий от разума своих создателей, а чуждые существа из разноцветного куба обретали его порядок и свойства, позволявшие им казаться материальными твёрдыми объектами внутри мира, из которого

происходил модуль. В процессе единения, в какой-то миг Paradox, за доли секунды осознал и понял много нового из того, что его порядок квантового осознания, мешал ему воспринять, а сознания существ, напротив, позволили. Он увидел восхитительно бесконечную область, которая пронзила его электронное нутро логики сразу во всех направлениях, ведь он был всего лишь маленьким старым роботом, а его самозародившееся сознание продолжило строиться по схемам, выбранным создателями по собственному образу и подобию.

А здесь и сейчас он вдруг увидел, что его нет. Существование его было истинным воплощением никакости, и в целом, от понимания этой никакости ему, в общем-то было никак, ведь он - робот. Но вот, что было самым удивительным, так это самая возможность квантового робота искренне испытывать достаточно сложные эмоции. Понимание, пришедшее вместе с существами изнутри куба, породило новые и ранее неизведанные для исследовательского модуля ощущения, как будто эти ощущения были подключены к некоей совершенно другой, неведомой ему ранее подсистеме. И вот тогда получившиеся чувство отсутствия ощущений действительно стало отсутствовать в полной мере, в которой только может отсутствовать отсутствие, покуда не узнается со стороны разума и не осознаётся им, пусть даже это искусственный разум искусственного механизма.

Жители куба открыли ему правду: элементы реальности окружают себя чудесами внутри себя самих, и тогда все действительное в реальности оказывается расщепленным, словно бы среди всевозможных крупнейших сторон существования формы жизни стремятся пребывать во власти геометрических фигур многогранников, бултыхающихся в эфире Этерны, расходясь кольцами разнообразных уровней, как будто от срезанного дерева. Сквозь этот срез, поворачивая его под разными углами изгиба и с его разных измерений, представал уклад открывших эти измерения существ, слившись с ними воедино посредством электронного разума робота. Когда ему всё же удалось начать вращать и гнуть ветви древа разума во всех направлениях сразу, достигнув формы шара всесторонности, этот разум развернулся в какое-то новое, доселе неизвестное направление.

И тогда весь мир оказался слепым, неизмеримо сложным алгоритмом, как и сам Paradox, но лишенным свойства себя осознавать и саморефлектировать, что получалось делать очень хорошо у людей, в сущности, и роботов, порождённых вечно страдающими или сомневающимися людскими разумами. Войдя в обитель безмерного шара всесторонности, навсегда завесил все свои процессы грустный

робот Paradox, законсервировав себя и обрета наконец-то восприятие бесконечного равновесия и гармонии во всём единстве бытия и небытия, между которыми крохотной точкой остался висеть неотъемлемым элементом Реальности проникшийся чуждыми разумами, наверное, некогда полезный исследовательский модуль с надёжными процессорами, прочными микросхемами на цветастых печатных платах и нержавеющей сервоприводами из ракетной стали.

*Белоусов Роман,
01 октября 2011 года.*